

Международная Академия Наук
International Academy of Sciences

*Центра Ноосферной Защиты
Centre Noospheric of Defence*

Сергей Кутолин

*ШУРЫ-МУРЫ,
ИЛИ ТЕЛО ВЛАСТИ IV*

(Опыт рефлексии умыслов философии бытия)

ЗВЁЗДЫ ПЛАКАЛИ И ПЕЛИ

(Опыт рефлексии озарения)
(ОТТИСК)

Новосибирск, 2013

ДАОЕАЕНЕВ АЕЕААИ ДЕЕ è «×ÓÆÎÃÎ ÑЕÎÃÃ»

Аллегория, как иносказание, – есть выражение, заключающее в себе скрытый, тайный смысл, намёк, в текстологии которого открывается путь от писательского замысла до его реализации. Рефлексия, как индивидуальная мыследеятельность, цементирует аллегорию и текстологию «чужого слова», как это было показано текстологом Е.А.Андрущенко на примере ни много, ни мало всего прозаического и поэтического наследия основателя русского символизма, поэта, критика, беллетриста, драматурга, мыслителя Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865–1941).

Аеёааи деё даёñòî ёî ãè÷ãñеî ãî разнообразия произведений Руссо, хронологии Рильке и Ницше, риторики Пруста, словообразования поэзии Амара Хайама - требуют несомненного рефлексивного подхода личности, в противном случае все прелести чтения произведений этих авторов просто будут утрачены, а физическое следование подлинникам произведений этих авторов окажется ничем иным, как «белым шумом» читаемого текста. Здесь ситуация применительно к нынешним поколениям выпускников школ, сдающих ЕГЭ по литературе, будет иметь одну и ту же реакцию: произведения Белинского и Гоголя с базара не несут, их несут к помойке. Предвиденье Н.А.Некрасова не оправдались. А всё потому, что, перефразируя слова В.О.Ключевского, : «нужно учить не тому, что потребуется в жизни, этому жизнь научит сама, а тому, что должно быть в сердце и душе», - тогда мир учащегося не только краше, интереснее, но есть самобытность, стремление к творчеству и познанию решения любых проблемных ситуаций от жизни до смерти.

И «Шуры-муры» и »Звёзды плакали и пели» пример РЕФЛЕКСИИ— АЛЛЕГОРИИ и «ЧУЖОГО СЛОВА»

"Рефлексивная литература" достигает свыше 1.000 000 заходов:

http://world.lib.ru/editors/k/kutolin_s/stat.shtml

<http://lib.rus.ec/a/27491>

*ШУРЫ-МУРЫ,
ИЛИ ТЕЛО ВЛАСТИ IV*

«Я люблю сидеть низко –
с низкого не так опасно падать» -
М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита.
"Homo proponit, sed Deus disponit "-
"Человек предполагает, Бог располагает ".

СЕКТОР КРУГА I . Кукареку не на боку.

Великой эпохе нужны великие люди.
(Я.Гашек. Приключения бравого солдата Швейка).

Всюду, куда не глянь, всюду вода, вода, вода. Вода Балтийского залива. И велик император Петр - хвала и слава ему во веки веков. Не только прорубил окно в Европу. Но и умел тихо мирить дыбой, виселицей и плахой непокорных всех мастей от стрельцов до не остудившихся в своём поведении ему или ослушавшихся его указу, делу и слову. Все смутные времена в России паскудны. А им несть числа. И паскудство не от Церкви и монастырей, не от народа, творящего Христову молитву, а от иных, - кто, походя, вертит чертовщину и смертоубийство или грабёж, и тех, кто власть к рукам прибирает, кто властью поганно распоряжается, кто руку стягающую умывает, да кто гнусно в начальстве спесивым пребывает.

Сидеть бы да сидеть и смотреть бы на тихую водь Балтийского залива и благостно думать о великой истории России, где всё ко благу Господа нашего совершается и блюдётся к лучшему, поскольку тьма тьмущая поколений русских людей уже перед жизнью истории России прошла и прахом своим землю её напоила, и насытила, а, кроме того, под камнями памятными лики усопших запечатлены и в кладбищенской тишине покой имеют, огражденные памятными оградами, которые уже успели скособочиться, а другие, сусальным золотом покрытые, сверкают на солнечном ореоле сквозь зелёную листву, поющих свою летнюю песнь деревьев.

История историей. Да и Вера жаждет. Стоит взглянуть во тьму веков Веры Православной на Руси пребывающей со времени Святого Владимира, Киевского князя Красное Солнышко, который и гарем имел, и братьев своих убивал, а потом как честный разбойник во Христа уверовал и простились ему грехи его вольные и невольные, а потому по сей день идет русский народ православный к его мощам поклоняется и прикладывается к ним устами своими грешными. Да, чего греха таить, не Власть, а народ разрушил Храм Христа Спасителя, который сто лет воздвигали во славу русской твердыни, во славу Победы русского оружия над супостатом, французским императором Наполеоном, от жестокости которого погибли и не только народы, но и собственная гвардия при Ватерлоо, расстрелянная пушками англичан. А православные пастыри Божие

творили ли благо, когда обращали в православие мальчишку, бегущего топтать пару когов, а затем поставившие его промыслом Собора во главе Церкви Православной. И сразу вспоминается будущий семинарист, делавший жизнь с разбойника Кобы, который лягушек в пропасть сбрасывал, а затем строил великое Государство рабочих и крестьян на их же многомиллионных костях, создавая небывалую Империю, восстанавливая то, что утеряно было в гражданских междоусобных войнах населения великой Державы. И взалкало население и пастыри этой Державы, пройдя испытания не только рассеянным прахом своих сородичей на полях Родной страны, полях Европы, захотелось им американо-европейской Свободы, по которой сосало под ложечкой в силу вечно карточного убогого товарно-продуктового обеспечения, в котором цель и задача всякого уравнительного правления, где пастыри подвигали народ к крутому спуску как лягушек в пропасть, надеясь перераспределить чудо – богатства, созданные народами страны, да так, чтобы немногие, но своекоштные обрели всё, а затем по планам ещё совсем непонятным многим из них, этих пастырей, вести подушное распределение этих благ, именуя их по европейски «прожиточным минимумом». А для того, чтобы это всё было, нужен был новый клич. И клич не заставил себя ждать. «Бери Свободы столько, сколько хочешь». И клич этот очень понравился и Западу, и Америке не только на население своих стран, но и сексуальные меньшинства, которым такая свобода была, ой как нужна, а Свобода эта подстёгивала в её желании оккупировать континенты, являя собой Великое переселение народов, желающих получать от Свободы по – европейски, а жить по законам своих афро-азиатских стран. Но если Господь ласкал эти евро-американские страны смерчами, наводнениями и землетрясениями, то Россия для начала перешла в быт сотрясения пустых кастрюль, от чего все народы, составлявшие «дружную по национальному принципу державу» бросились в рассыпную устраивать свои национальные границы, где новые национальные пастыри начали приобретать гомерические размеры восточных владык, хотя сначала верно исповедовали социализм и коммунизм, поскольку кормились от Великой России, не в грош, не ставя её саму. Даже сахара ей без валюты перестали давать. Если католический пастырь и будущий папа Иозеф Рацингер, по благодати Божией, Духа Святого и собственному уму понял своевременно о невозможности со-

вмещать пастырские труды католической Церкви и благословлять содомистские однополые браки и усыновление детей в таких браках и как верный сын Церкви удалился на покой. А Православные Пастыри, хотя и бывшие сторонниками экуменизма, проповедуемого митрополитом Никодимом, принявшим смерть у ног католического папы, Никодимом, из - под длани которого явились нам нынешние пастыри Православия возвысили свой голос против содомизма в России, то есть двинулись своим путём, открещиваясь от ценностей Запада и Америки, поскольку фелиокве освящено Православными Соборами. Но обратилось к формам разно стяжания ценностей народных, якобы отринутых этим народом по бесовской идеологии ленинизма – сталинизма от самой неприкосновенной матери – Церкви. И Дух нестяжания Преподобного Нила Сорского как «умного делания», т.е. борьба с дурными грехами как то: чревообъядение, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость были, если не забыты, то направлены на стяжание сребролюбия Церкви, которое прощалось заветами архипастыря Иосифа Волоцкого. А потому и Храм Христа Спасителя за ничтожно малое время был восстановлен и озолочён. Так, пройдя мысленным взором в мгновение ока, своё соприсутствие в древних Востоке, Египте, Вавилоне, Ассирии, Персии, Финикии и Палестине, Гомункул как неуничтожимая ткань человеческой бактерии по мысли и опыту своему понимал, что и в Новой Истории России Власть, Церковь, Государство и сребролюбие греховно в своей сущности.

СЕКТОР КРУГА II . Сотворение мытарей.

Убили, значит, Фердинанда-то нашего, —
сказала Швейку его служанка.
(Я.Гашек. Приключения бравого солдата Швейка).

Их было немного. Они были молоды. Разносторонне образованы, имея за спиной, кто физическое, кто техническое, юридическое, экономическое образование, но некоторые из них, и он сам имели не косвенное, а прямое отношение к тем органам, что составляли храм целомудрия советской власти и намеривались служить в этом храме честно и порядочно до самой, что ни на есть пенсии. В отличие от других, у него никогда не интересовались графой, которой так смущались иные, графой родственников. Здесь у него было всё более чем в порядке, хотя по вступлению в осмысленный образ жизни, он не ведал, были ли его родители настоящими или приёмными, поскольку родственников у него было пруд пруди и большей частью всё по охранному ведомству Государства. Да и сам он с молодых ногтей, где бы и как бы не учился, но всегда в органах говорил: «хочу быть как вы», что и облегчило ему путь опыта жизни и так, чтобы не падать, сваливаться, кидаться, повергаться к чьим — то ногам, стопам, ниспадать плотно к плечам начальников. По причине столования советской властелинов от кухни, где прашур его был хорошим кухмистером, полагал он, что и семья, и близкие его не испытывали голода, ведущего к истощению. А по причине преданности этим самым органам, после окончания Ленинградского университета был по распределению направлен в КГБ СССР. Организация эта в силу своей умности и добропорядочности научилась готовить и подбирать для своих подразделений, преданных делу фирмы, сотрудников, пестовать и наставлять их, а всякие там суворовы, литвиненки и другие паразиты — предатели уже не в счет, поскольку не понимали, что служение Охране Государства, — это не только служение Родине, но и самому себе. А потому, когда он прошёл годичные курсы переподготовки в московской Высшей школе КГБ им. Дзержинского в Москве в Варсонофьевском переулке, то уже в 1985 г. — одногодичный факультет Краснознаменного института им. Ю.В.Андропова (бывшая «101-я школа», ныне — Академия внешней разведки).

Около 5 месяцев работал он в секретариате Ленинградского управления КГБ, в системе Второго главного управления (контрразведка), а по воспоминаниям сослуживцев – в «пятой службе» (борьба с «идеологическими диверсиями»). А «идеологические диверсии» по Ю.А.Андропову дело известное, например, «отпускание козла в огород» по имени Солженицын, которому для экипировки в страны Запада, которых – то и на самом деле нет, поскольку волны уже не Балтийского моря, а всего Атлантического океана во времена Союза разбивались о деревню Хацепетовку и не иначе. Лихое было время и остроумный поэт Ю.А.Андропов сквозь прищуренные глаза ГПУшного Большого Кота с внутренним похохатыванием смотрел на всех этих интеллектуалов от интеллигенции, позволяя даже некоторым из них, как например, поэту Гагнусу, что тоже самое с другой испорченной фамилией и кинорежиссеру Кончаловскому походя звонить ему с юмором по телефону и ремизил их назидательными словами: «а не хватили ли вы лишнего», когда они ему по поводу этого самого «идеологического диверсанта» шутки отпускали. Одним словом, в верхних кругах интеллектуалов и советников Андропова существовала демократия простоты обращения, которая, конечно, не касалась «пятой службы». Это там, наверху власти КГБ ковались гоги и магоги – триумвират Горбачёв – Алиев – Шеварднадзе, а портрет дорогого Юрия Владимировича висел в красках у главы ЦРУ аж прямо в его кабинете. Ой, не прост был Юрий Владимирович! И как флибустьер высшего уровня обзирал он всю эпоху, служа верой и правдой, дорогому маршалу всех наград Леониду Ильиче Брежневу, о котором другой маршал Г.К. Жуков справлялся, кто это такой и что он совершил во время Великой Отечественной Войны. А вот новая молодежь по своей принадлежности к «пятой службе» старалась ничего этого не ведать, но запах, распространяемый триумвиратом, во – первых, говорил о скорых подвигах в кадровых перестановках, прикрываемых народными собраниями и голосованиями, во – вторых, запах передела Власти носился в воздухе, и, в третьих, нужны были силы в лице Одного Человека, способного при всём честном народе победить Здравый СМЫСЛ, бросив его под колеса, нет не русской, а вообще, была ли такая, но Западной демократии. Молодые гусяры будущей политики сиднем сидели особняком, слушали старших, выступающих на народе цветными петухами, и надеялись на то, что

во время брожения и столоверчения в политических заавыках, преподносимых как «чаяния народа», рано или поздно произойдет сокращения армии и появятся маяки новотворцев, именуемых авторитетами и как после Великого Октября возникнет Армия братьев и паханов авторитетной смычке которых придется разбираться им опытным «пятёрочникам» и тем, кто с ними составит силовой кулак государства, где многих придется переубеждать, воспитывать, наказывать и уничтожать ради возрождения новой государственной машины, разговаривая с собственным народом посулами, чаяниями, примерами благодеяний. «Велика страна Россия и обильна», но порядка в ней не было и нет. А потому передел собственности это важнейшая задача умыслонастроения всего народа, а не только его квартирного вопроса, который с повестки дня не снимается, так же как личные автомобили, дачи, земля и свободное сгание по заграницам, которая, как теперь выясняется, после падения СССР, оказывается, существует и не только для нелегалки, но и простых смертных.

А потому, получив звание майора, был направлен в московский Краснознаменный институт (КИ) имени Ю.А. Андропова, где учился под псевдонимом «Платов». В институте специализировался на германоязычных странах (Австрия, Швейцария, ФРГ, ГДР – 4-й отдел ПГУ КГБ СССР), был старшиной отделения. По окончании института КГБ был в августе 1985 года командирован в представительство КГБ в ГДР, где до начала 1990 г., когда появился прелестный праздник – День России, работал в Дрездене.

На январь 1990 года – старший помощник начальника третьего линейного отдела от управления «С» (нелегальная разведка); по партийной линии – секретарь парторганизации Дрезденской группы Представительства КГБ в ГДР и член парткома Представительства.

По возвращении из ГДР получил в феврале 1990 г. должность помощника проректора ЛГУ по международным вопросам, на которой оставался до своего назначения председателем Комитета по внешним связям (КВС) петербургской мэрии летом 1991.

В 1990 году вместе с проректором ЛГУ по международным вопросам Юрием Молчановым участвовал в организации совместного предприятия ЛГУ и компании Procter & Gamble (P&G). Создание совместных предприятий всюду и везде, где можно, что с тех пор стало именоваться инновациями в области менеджмента, спаяло

друзей прибалтийского коллектива смыслом обретения экономических связей и легальных возможностей, в которых плавилась денежные и материальные массы, где связи фирм Запада и банков, ориентируясь на чудно – дружеские отношения кооператоров, а, проще говоря, делая и финансовую, и политическую ставку на этот молодой «Кооператив», где каждый являл собой личность, спаянную круговой порукой понимания будущего России - для Запада это был ход в прорубленное окно поместиться в России с ее газом, нефтью и полезными ископаемыми. Через проректора Ю.Молчанова возобновил знакомство с А.Собчаком, бывшим юристом при ЖЭ-Ке, но возведенным в ранг головы Ленинграда, Санкт – Петербурга аж самим народом, который в силу простого «одобрямс» со стороны Верховной власти Советов, никогда не слыхивал таких говорков, каким явил себя перед народом Анатолий Собчак в своём клетчатом, прахом подернутом пиджачке. Не настали ещё те времена, когда мирскому народу явилась его жена, истощавшая свои миллионы долларов в рулетку, а доча прославила российский мир, своим обликом записной дивы, сотрясая Интернет своими скандалозными похождениями, а он как преданный ученик и последователь А.Собчака вместе со своим другом генералом Ивановым вынужден был покрывать эти шалости семьи покойного, поскольку никогда не сдавал свои друзей и начальников. Одним словом, «Кооператив мытарей» имея в своей основе идею «Менеджмента инноваций между наукой и практикой» - «МИМНП» товарного оборота с извлечением материальной и политической выгоды. Иногда, этакому делу мешали разные неглупые люди академического разряда, погрязшие в своих академических сусеках. Они не признавали скороспелых приёмов работы таких сотрудников, поскольку не видели глубокого смысла, например, распродажи, бойко шедших на Западе, редкоземельных металлов, радиоактивных изотопов, преподносимых как некая «красная ртуть». Чудаки! Они не понимали, что капитал в валюте можно создать быстрее, распродавая редкоземельный металл скандий, чем биться над продажей патентов на технологию. Некоторые из таких недалёких начальников ещё помнили о продаже на Запад имитации драгоценного камня с патентованным названием «фианит» - Физический институт Академии Наук, всего за 15 миллионов долларов, который Запад не только ассимилировал под именем «цырконио», но и заработал миллионы

миллионов долларов по всему Миру. Члены кооператива «МИМНП», образовали своего рода дачное сообщество, где резвились как добропорядочные спортсмены, ведя на берегу воды благопристойные образ жизни, внимательно изучая опыт старших начальников, пытаясь, как и положено младшим везде и всегда отдавать честь и если не мямлить, то глазами показывать: »Чего изволите..». Это главное качество послушания и исполнительности было в высшей степени свойственно бывшему старшине отделения КГБ, который не выставлялся, был скромен, почтителен, исполнительен всюду, где имел место запах власти. Он одним из первых понял, что опережение перед начальством смерти подобно, да и зачем опережать события, если старшее и не очень умное поколение, опасаясь за свою власть, сама будет искать пути усмирения несогласных с ними, фрондирующих перед ними своими заслугами, и, прежде всего, это касалось военных. Старшие посылали военных начальников в их собственную среду с повышением и не без удовольствия наблюдали за физическим исчезновением таких людей, как только их доблести являлись на арене политической. И Чечня в этом плане была оселком, на котором оттачивались приёмы самоуничтожения генералов – героев войн разного калиберных масштабов. Одной рукой они привлекались во властные структуры, другой они уничтожались зримо объективными обстоятельствами. Придраться было не к чему. Иногда, при решении политических вопросов генералов сталкивали с олигархами, мнившими себя пупом мироздания новой России. В нужный момент пуповина давала трещину, затем рвалась, тандем олигархов с генералами приводил к получению политического преимущества главковерха и развала смычки генеральной олигархии. Но бывали и исключения. Почти заговоры или даже настоящие заговоры против власти, имеющей место. Ситуация, конечно, ничем не напоминала феномен Франции – явление Наполеона во главе государства, прежде всего как человека, за которым стоит армия. Россия не была островом пингвинов – Францией. Но она была Россией. И события в ней должны были проходить по принципу убиения, удушения, отравления личности генерала, возмнившего о себе правителя. Все знали, что это произойдет, и готовились к этому. Не знали только, когда это случится, где и каким образом. Ну, нельзя же к этому делу приглашать авторитетов или братков. Существует и Федеральная служба Безопасности, - тем бо-

лее что события формировались не иначе, как в форме законной последовательности. Это во времена папы Александра Борджиа законность не была в почёте. Поэтому все знали и ждали.. А чудак – генерал готовился к законным действиям. Этот так же, как Гагарин с полковником Серёгиным – предполагали, но не ожидали, что всё так с ними получится. Зависть в истории власти, да и не только, могучая движущая сила, меняющая обстоятельства Истории. Да и как власти можно было мириться с таким неудобным генералом, если он буквально заявляет: «исполнительная власть живет только сиюминутными интересами, цель которых - самосохранение». И если ребята младенческого кооператива «МИМНП», ещё как говорится, отращивала свои нитки будущих связей, но приглядывалась к методам работы новой власти, не завидовала ей, но надеялась, что черед их ещё впереди, а наблюдать со стороны за событиями, ой, как безопасно. А тут борьба Вселенского масштаба: »Предложить Правительству Российской Федерации в целях предотвращения дальнейшего роста экономической и, как следствие, политической зависимости Российской Федерации от иностранных инвесторов пересмотреть планы и финансовую политику внешних заимствований в сторону их уменьшения, компенсировав дефицит интенсивным восстановлением рентбельного функционирования имеющихся в России внутренних источников поступления бюджетных средств». Генерал стал единственным из политиков, кого Президент обещал "смести". И единственным, чья смерть, несмотря на все разговоры о том, как она наступила, обнажила всю жестокость политического противостояния в стране. Убийство генерала было объявлено - "бытовой", да ещё совершенное его женой. А вслед за этим начался бурный всплеск потрясающих страну криминальных, финансовых и политических событий. Остается только сказать словами героя Гашека: «Нынче честных людей мало, пани Мюллерова».

ЊЅЄЌ Д ЁЃЃЃ III . Жизнь – копейка.

Здесь он мне дал два раза по морде, тут раз,
но зато крепко, здесь три, а здесь ногами меня пинал.
(Я.Гашек. Бравый солдат Швейк в плену).

А людям в их повседневной жизни было некогда обращать внимание на сиюминутные взлягиши власти. Да и что на них обращать внимание, когда пусто дома так, что шаром покати, - не найдешь съестного. Голод, недостаток средств к существованию первый и важный этап становления и утверждения новой власти, где текущие игры политиков забавляют лишь себя и себе подобных в их желании оторвать свой кусок, о населении страны говорят лишь в том случае, если вышли своим широким лицом во весь экран телевизора или занимаются уютным бормотанием в микрофон текущего интервьюера. Всякого рода несчастные случаи стали периодически повторяющимися, закономерными событиями, так что даже предусматривались в планах и занимали все более и более обширное место в статистике. Каждый день взрывались машины, взлетали в воздух дома, тяжело нагруженные товарные поезда обрушивались с воздушных путей на бульвары, — снося целые здания, давя сотни прохожих, они проваливались под землю и сокрушали два-три этажа подземных мастерских или доков вместе с многочисленными партиями рабочих.

— Что это взорвалось?

Всех охватывало смятение; хотя несчастные случаи происходили теперь более чем часто, то в метро, то ночных клубах, но такого сильного взрыва еще не бывало, и с ужасом каждый отметил это.

Начали определять, где разразилась катастрофа; называли кварталы, улицы, разные здания — клубы, театры, магазины. Топографические данные становились все подробнее и точнее.

— Это взорвался жилой многоэтажный дом! Жертв тьма.

Люди должны жить спокойно и счастливо, а о таких неприятностях как можно быстрее следует забыть и через год, другой уже забывали, как о том землетресении, что имело место быть далеко на Востоке, когда приехавшие спасатели обнаружили, что весь город одна сплошная могила. Людей заедал текущий момент. Как содержать семью, перебороть, а главное пережить сокращение предприятия, где проработал и не один десяток лет, что делать с теми, кто в

результате потери работы просто оказался в объятиях черного Бахуса, а ещё хуже пристрастился к травке всех мастей, большая часть из этих людей уже покоилась на кладбищах или в прахе крематориев того мирного времени, где гласность, перестройка и новые пути, и планы правительства декларировались, но не исполнялись. Имело место улюлюканье о новых счастливицах и их взаимоотношении в журнале Форбс, а богатеющие властные чиновники, возводящие в государственную норму все виды коррупции, своими хамскими или почтительно равнодушными рожами взирали на людскую бедноту городов и весей, которыми володели и правили, на всякий случай, превращая тучу сверхсрочников и когорту прапорщиков, сержантов, а затем и офицеров, в послушных исполнителей своих внеслужебных поручений, беспардонно обращаясь с сынами своего отечества, которые сами и не раз, и не два смотрели в глаза смерти в горячих точках страны и оплакивали смерть своих боевых друзей. Никому не было дела до искалеченных тел отставников и их изуродованных душ, хотя любовь и преданность Родине сохранилась в их исковерканных душах и требовала возмездия. Богатые составляли только незначительное меньшинство, но те, кто им служил, люди из всех слоев населения, были целиком ими куплены или им подчинены. Они делились на две категории: торговых или банковских служащих и заводских рабочих. Первые выполняли огромную работу и получали солидные оклады. Некоторые из них, в конце концов, основывали собственные предприятия; непрерывным ростом общественных богатств и подвижностью средств, находящихся в частных руках, поощрялись надежды наиболее способных или наиболее смелых. Конечно, в бесчисленной толпе служащих, инженеров, бухгалтеров можно было найти известное количество недовольных и раздраженных, но этот могущественный социальный строй внедрял суровую дисциплину даже в умы своих противников. Народные выступления санкционировались властью и если не отличались прилежанием и пунктуальностью, то, во всяком случае, это явление носило характер выпуска пара из кипящего чайника.

Что касается рабочих, трудившихся на заводах, в окрестностях города, то они переживали глубокий физический и моральный упадок; они воплощали в себе тип не затравленного бедняка, а того типа, который ещё помнил слово «гегемон», так что, будучи даже

обезноженным, выезжал в коляске на середину тротуара и властно требовал милостыни у прохожих, не понимая, что люди по-прежнему милосердны, но уже другие. И они были обречены на постепенное непрерывное вырождение. Власть предпочитала вербовать народ невежественный и ограниченный, неспособный отстаивать свои права, у которого ума хватает лишь на то, чтобы справиться с работой, весьма несложной, а потому особое внимание было обращено на азиатские провинции мигрантов, которые плохо знали или вообще не знали русского языка, но им не только позволяли селиться в больших городах, но выплачивали помощь на рождение их детей, которые в этом случае становились гражданами России, тем самым, понижая статус славянской цивилизации. Режим обретал черты, где гордыня и алчность становились двигателями решения всех проблем, возникающих перед человеком. Так что всё начиналось и кончалось до обычного, просто.

Для поддержания физической формы Клим посещал расположенный недалеко от метро тренировочный зал, где за минимальную плату получал возможность работать со «снарядами». Снимая в гардеробной свою офицерскую форму с погонами, он в тренировочном костюме появлялся в зале, принимал белковый коктейль, подаваемый крепким брутального вида немолодым, лет пятидесяти, качком, который умел четко и почти по военному рассказать о возможностях в этом зале и способах найма на работу к тем, кто интересовался крепко сложенными молодыми и бойкими людьми, безработными в настоящий момент. Анархия власти народа являлась отражением анархии в верхах, плавно перетекающей в олигархию.

Часы на привокзальной площади пробили только полдень, когда Клим вошёл в небольшое кафе рядом с Казанским вокзалом. Он окинул ряды столиков, где посетители с обреченными лицами не сидели, а стояли, принимая плохую и видимо плохо приготовленную пищу, пережёвывая её с полным безразличием, но чувством бесконечной спешки во взгляде. Он удивился, что не нашёл того, кого искал. От одного из столиков отделилась не то личность, не то её тень и хмуρο, и даже несколько зло осведомилась у Климa:

— Не с мадам ли Ниной пришли для встречи?

Клим мельком глянул на человека – тень и хмуρο произнёс:

— Да.

— Тогда топай за мной, - хмыкнула человеко – тень и повела Клима, по каким – то неведомым коридорам кафе, пока, наконец, за прочной стальной евродверью Клима не оказался в помещении, отделанном с барской роскошью, где за полированным столом с гнутыми ножками сидела зрелая полногрудая дама в кресле павловского ампира, вмещавшем ее не совсем аппетитные телеса.

Клима сразу почувствовал, что в помещении дама Нина не одна и где – то рядом бдит, хотя и невидимо, её охрана. Не предлагая сесть, дама Нина перешла к сути беседы:

— Досье на вас у меня есть. Ваша личность, биография, послужной список и награды, занесённые в офицерскую книжку нам известны. Физическая выправка удовлетворяет. Способность к перевоплощению оценивается на «хорошо», владение стрелковым и холодным оружием удовлетворительны. Предлагаю вам работу – быть личным телохранителем, прежде всего меня, а затем моей семьи. Право на вашу личную семейную жизнь – четыре раза в месяц. Остальное время ваша работа и не только работа телохранителя... Оплата – три тысячи долларов в месяц, премиальные, квартирные, командировочные – это всё отдельные суммы. Продолжение обязательных тренировок, но уже в наших специализированных залах. Мне известно, что вы свободно говорите и пишете на нескольких языках. Это хорошо и будет востребовано. За это отдельная плата. Всё. Раз вы здесь, то согласия от вас уже не требуется.

После этого из внутренней комнаты без всякого приказа появился почти двухметрового роста, сложенный атлетически послушник, жестом предложил Клима следовать за ним. При выходе из дверей внутреннего помещения они сразу же оказались перед раскрытой дверью «Бентли» со слабо тонированными окнами. Машина рванула в неизвестном направлении.

Клима оказался лицом к лицу с одурманивающей действительностью, в которой уже не было замкнутости и узости потребления офицерской казармы, но, как он почувствовал по самой тональности мадам Нины в его жизни сохраняется, хотя и напряженный, но любимый им порядок жизни и даже дневной распорядок, в котором опасности и уместны, и необходимы, что доставляло удовлетворение его душе, а тело создавало, что оплата за его работу будет не такой уж малой. А к риску в своей офицерской жизни он уже давно не только привык, но тело и душа его часто требовали своего адре-

налина. И в этот момент он вспомнил случай ещё из его юной практики, когда в погоне за вором, похитившим ящик паюсной икры в привокзальном ресторане железной дороги, на которой он был охранником, по собственной инициативе предпринял беспримерный рывок на мотоцикле за уезжавшим в поезде вором, настиг вагон поезда, запрыгнул на ступень, открыл на ходу дверь и задержал с личным похитителя. Он чувствовал себя тогда так хорошо, что понял, что адреналин важная составляющая поведения мужского характера. Именно тогда он понял, что именно эта решительная, адреналиновая, сторона его поведения, а не только внешние данные и тренированная фигура атлета привлекают к нему женщин и глубоко сочувствуя и, переживая свои отношения с молодой женой и ребенком, оставлял в себе возможность и необходимость вступать в близкие отношения с понравившемся ему женщинами и даже проститутками, с которыми он расплачивался, но пользовался ими только по обстоятельствам.

Не скоротечно и совсем не быстро развивалась его последующая жизнь после приёма на работу к мадам Нине. Сначала он проживал во флигеле, большого по московским меркам загородного дома мадам Нины, в течение нескольких месяцев практически охрана дома, сотрудники кухни и остальной персонал поглядывали на него с интересом косоглазия людей, впервые увидевших на своей территории нового животного. С шести утра он тренировался в подземном спортзале, занимался плаванием и стрельбой в тире из различного стрелкового оружия, в том числе и снайперского, напарниками его в проверке силовых приёмов и находчивости рукопашного боя, были абсолютно молчаливые, и, казалось, равнодушные люди, знающие своё дело на отлично. И только по их глазам он вскоре смог понять, что его поведение им импонирует. В столовой для обслуживающего, как он смог понять, персонала, пища была обильной и разнообразной. На отдельном столе стояли водка, виски, прочие горячительные напитки, но он обратил внимание, что никто из тех, с кем он находился в спарринге никогда при нём к спиртному не притрагивался. Для проживания у него была отдельная комната, обставленная добротной и простой мебелью, аудио-, видео аппаратурой, ему был выдан дорогой сотовый телефон, по которому ему никто не звонил, но сам он имел право делать звонки, куда хотел, но, соблюдая внутренний этикет, он тоже никому не

звонил. В коридоре была точно такая же комната его соседа, того самого, который доставил его сюда в первый раз, здесь же был вход в туалет, ванную комнату, где на одном из шкафчиков, в котором находились все туалетные принадлежности высокого качества, была проставлена его фамилия, но не та, что он имел на самом деле, а та, которая значилась в его документах, а их он получил практически на следующие сутки своего пребывания в этом «поместье дамы Нины», как он его про себя теперь называл. Самое удивительное было в оплате. Оплата появлялась раз в месяц в опечатанном конверте у него на столе его комнаты, которая прибиралась кем – то невидимым. И он с удивлением отметил, что ему на личные расходы было более чем много денег. Четыре раза в месяц он посещал свою семью, играл с ребёнком, а на вопросы жены о своей работе говорил просто, что это теперь его новая специфика работы, и она должна мириться с данностью положения, поскольку деньги он приносит в семью и деньги это зелёные, он практически отдаёт её все, хотя практически, конечно, это было не так. Но жена знала, что она вышла замуж за офицера и это её обязывало к терпению. Обет молчания был прерван как – то неожиданно. Сосед постучал в дверь его комнаты вечером и буднично представился:

— Я Вадим Шкуро! Кстати, один из потомков того самого генерала Шкуро, генерала в гражданскую войну, награжденного орденом Бани, но затем все же после войны выданного англичанами Советской власти и повешенного ею. Я знаю, что тебя зовут Клим, а фамилия твоего документа немного иная, но фамилия это, дело наживное. Предлагаю сегодня выпить и закусить, чем Бог послал, но уже в кафе мадам Нины, и не там, где я тебя впервые увидел, а здесь, у нас, внутри загородного дома. Тебя ещё туда никто не водил. И я твой первый гид. Ты уж извини, но служба обязывает. Волею судеб теперь мы в паре и я должен ввести тебя в курс если и не дела, то охраны мадам Нины и ее семьи. Таков дальнейший путь освоения тобой новой работы.

По лифту, оказавшемся в противоположной стороне от их номера, они спустились на несколько этажей вниз и оказались в кафе – баре со шведским столом и полуоткрытыми кабинетами, неяркий свет и не навязчивая музыка делали обстановку приятной и удобной для беседы. Вадим чувствовал себя здесь хозяином, предложил Климу выбирать еду и питьё и даже был удивлён, что Клим огра-

ничился парой бутылок пива и тигровыми креветками. Только сначала беседа не клеилась, а затем весь разговор вёлся к заявлению Вадима, что в течение нескольких дней Клим будет сопровождать мадам Нину, её дочь и мужа на ярмарку - распродажу картин, ювелирных редкостей и «прочей ерунды», как подумал про себя Клим. Но Вадим отнесся к этой беседе и предстоящему вояжу более чем серьёзно.

— Дело в том, - объяснял он, - что семейство в известной степени страдает не просто вещизмом, а помпезным вещизмом, и из этого следует довольно опасная особенность. Все вещи, приобретаемые в данный момент, оплачиваются непосредственно, при этом мадам не любит расплачиваться чеками, а пользуется наличными. Суммы значительные и ситуация вовсе не безопасна. Тем более, всегда есть подозрения, что такие выезды семьи отслеживаются. Неприятности уже были и не раз. Но всё, в конечном счете, заканчивалось благополучно. Вы телохранитель семьи. Кассир знает свою работу на отлично. Излишней помпезности в охране нет. Мадам надеется на ваши возможности, Клим.

Такой оборот дела показался Климу какой – то игрой в догняшки, которые ещё не начались, но делаются опасные прогнозы и закручиваются страшилки из фантастических романов. Но он понимал, что каждый, кто уже получил своё состояние в разного рода покупках и приобретениях ценностей желает удесятерить эти ценности, вкладывая деньги в редкие вещи, а затем наслаждаться жизнью, поглядывая изредка на эти ценности и напоминая самому себе, что всякая антикварная ценность, всякое художественное ювелирное изделие есть капитал.

Флаги, развевавшиеся в солнечном свете над ярмаркой - распродажей, иллюминация и музыка толпы людей, прибывших сюда со всех концов города и, конечно из – за границы, наводняли улицы, окончательно одурманивали москвичей мечтою о неисчерпаемых богатствах и о безраздельном господстве тех, у кого капитал есть, хотя неизвестно каким путём он нажит, и завистью других, у кого в кармане было не густо, а пусто. И эти последние надеялись, - одни посмотреть, как тратятся деньги, а другие несправедливыми путями вытуманить эти деньги у тех, кто их имел. В тихий и ясный вечер от громадного праздничного города, от столиков ресторанов, вывалившихся на улицу, от этой колоссальной ярмарки, где насла-

ждение от наблюдения даже просто за гуляющими под ночным небом, поднималась волна безумия, ненасытного и радостного безумия, которое сквозит в любой столице во время праздников и суетного ажиотажа. И Клим чутьем и внутренним слухом своим ясно услышал общий порыв одних покупать, других продавать, третьих грабить и четвертых быть просто любопытными и присутствовать в лицезрении опасного действия, т.е. так как это бывает при автомобильных катастрофах, когда множество любопытных с упоением взирают молча на груды искореженного металла, это всеобщее бесплатное наслаждение над событиями, свидетелями которых они стали, но о которых ещё нет информации в печати и на телевидении, и они не являются предметом обсуждения в блогах и твиттерах.

Во всяком случае, в полной своей самостоятельности, о которой говорил Вадим, Клим ошибался, поскольку заметил помимо самой дамы Нины, ее приятной малолетней дочери и сухопарого очкарика – мужа, высокого и неповоротливого, производившего впечатление ученого – подкаблучника, вооруженных кассира и водителя, самого Клима, за их автомобилем увязался уже знакомый Климу Бентли с Вадимом и ещё кем - то, кого рассмотреть ему не удалось. Лишь позднее он понял, что такой охранный кортеж имел свои основания, поскольку, хотя и расчетливая, взбалмошная хозяйка любила совершать покупки наличными, как выяснилось позднее, она, когда – то работала кассиром, а затем и совладельцем крупного Банка в провинции и даже прозывалась совсем по-простому Ниной Алексеевной Стрельниковой. Так вот эта самая особа, работая в кои – то времена в обменном пункте валюты, приняла у клиента полмиллиона долларов наличными, попросила подождать с обналичиванием выручки и бесследно испарилась, прихватив с собой валюту.

Ненавязчиво следуя за семьей, чувствующей себя совершенно свободной в действиях, не замечающей охраны её посторонними людьми, Клим с удивлением заметил, что они свободно болтали между собой, делали закупки антикварной бронзы, фарфора и картин, мешая всё это с приобретением целых коробок с драгоценными украшениями, словно всё это происходило на восточном базаре в Турции, Индии, Париже или Амстердаме, а не здесь, в центре России, в Москве, где ощерившийся от зависти люд всё видит и

бдит. Оплата осуществлялась моментально, как и тотчас, словно по волшебству, покупки загружались в сейфы – контейнеры багажника автомобиля семьи. Все, казалось, было в порядке. Кроме отдельных бросившихся в глаза Клима компаний. Напившиеся и по-братски обнимающиеся, признающиеся друг другу в верности и бахвалящиеся, почти все молодые, крепкие парни, — перспективный, здоровый генофонд России, но увлеченный не учёбой, работой или развитием интеллекта, а лёгкой, хоть и опасной, овейной увлекательной романтикой наживой! Визуально вид не портили, а дополняли худые «блатные» с синими наколками, но их можно было принять за тренеров, в крайнем случае, за администраторов. Клим заметил, что за громадным аквариумом во всю стену ярмарки явно просматривается помещение и, приглядевшись пристальнее опытным глазом, обнаружил пулемёт с возможностью обстрела сектора всего зала.

— Однако своё имущество ярмарка охраняет неплохо, - подумал Клим. – Где – то есть, наверное, и снайперы, - мелькнуло в голове. И впервые степень вооружённости громадной группы лиц в Москве стала представляться ему не совсем уж пустяковой. А вот эти, крепкие парни «быки» уже никогда не поднимутся выше убойного мяса, - засвербело в его сознании.

И тут, каким – то внутренним чувством он понял: »Опасность!«. Его реакция было не то, что мгновенной, а молниеносной, он начал задвигать сразу всю семью вместе с кассиром в их автомобиль, хлопывая бронированную дверь. Шофёр рванул машину с места. Клим видел, что Бентли с Вадимом запаздывает, и в зеркале заднего вида смотрел на растерявшуюся толпу, поскольку откуда не возьмись, раздались выстрелы в воздух, отчаянные крики боли и рева.

Люди, непривычные по внешнему виду и форме с надписью «ОМОН» — это было одно из первых мероприятий «замечательных ребят», заряженные злобой и ненавистью ко всем присутствующим, вывешивали на стенку сиденья своего автобуса бездыханное тело Вадима, которое лупили по спине, ногам, когда - то мягкому месту и сгибателям бедра резиновыми дубинками-демократизаторами. Всё, что смог ещё заметить Клим – это его лицо – лилово – бордово – распухшее.

Но уже через несколько дней после такого события, Вадим появился в своей комнате, как ни в чем не бывало. Синюшность лица и скованность движений ещё остались, но он был благодушен, шутил, рассказывая с юмором, что в камере незнакомые парни держали его на руках за отсутствием места, пить, не давали, а вскоре он оказался среди начальства Омона, которое вернуло ему документы, орденскую книжку и дружески посетовало, что принесло ему некоторые неприятности. Все дело оказалось достаточно простым, поскольку Вадима здесь же пытались завербовать «в послушники», зная, кем он является для мадам Нины. Арестовать её запросто было невозможно. Не было доказательств её хищений в прошлом, Надеялись операцией ОМОНа подбросить краденую валюту с её пальчиками и представить свидетелей её художеств в давние времена, но схватили какую – то женщину в годах и успели отделать её так, что жизнь в ней проявлялась тремя струйками — двумя слезными и одной густо-красной, длинно-пружинистой из прокушенной насквозь губы... Демократия имела свои методов художественного оформления деяний.

По словам Вадима, сразу после его освобождения, он залёг по настоянию дамы Нины, в клинику пластической хирургии и после нескольких физиосеансов обезболивания и работы пластических хирургов, он чувствует себя новорожденным младенцем с устойчивой психикой, чего и пожелал с усмешкой Климу в последующих передрягах.

— А они, несомненно, будут. Попомни меня. У дамы Нины не соскучишься, - пообещал он. – Одно хорошо. Премияльные существенны. Кстати, тебе тоже полагается...

СЕКТОР КРУГА IV . Заколбасилась сторонushка - страна.

-Разве вы без шпаги пришли? – удивилась Гелла.
(М.Булгаков. Мастер и Маргарита).

После того, а Климу показалось это совершенной случайностью, как он вывел из – под неприятности семью и Нину, доверие к нему, как он понимал возросло и, помимо трех квартир, которые были ему отданы для непредвиденных форм перемещения, он получил в свое распоряжение такие крупные средства от хозяйки в зеленых купюрах, которые позволили ему приобрести стрелковую экипировку, а ассортимент вызывал уважение не только своим многообразием, но и функциональными возможностями: «браунинг хай пауэр»; «CZ 52»; Perfecta «FBI» 8000; Naugus PT 92; Ингрэм МП; «Беретта 92 м»; револьвер «Смит&Вессон»; револьвер «Кольт», всё калибра 9 миллиметров. Пистолеты-пулемёты «Heckler & Koch» MP-5; «CZ 61, Скорпион»; небольшой модельный ряд «Штайер»; штурмовые винтовки, снайперский комплекс разных фирм и разных калибров. Особый интерес вызвали у него мальки — «Беретты» калибра 6,35 и 5,6 мм с откидывающимися стволами—оружие последней надежды. Клим не просто любил, а был влюблён в оружие ещё с пелёнок, поскольку прекрасно помнил тот немецкий «вальтер», помещавшийся в руке, который привёз его фронтовик - отец, несмотря на все, ещё тогда существующие, запреты. Не переставая умиляться свалившемуся на его голову многообразия стволов, он понимал, что по службе ему предстоит что – то новое и необычное. Он понял, что ему не дадут скучать и плату нужно будет отрабатывать. Обращаясь к нему, Вадим с хитрецой в голосе произнес, глядя на стволы:

— При таком – то оборудовании и работа у тебя начинается непыльная! Мадам Нина определила тебе в собственность, на время твоей работы у неё, несколько автомобилей. Получай документы на них. Вот план их расположения по улицам Москвы. Формально всё это находится на стоянках... Ты не очень зарывайся. Работа предстоит, как мы считаем, у тебя сложная, но ты с твоими способностями, которые так красочно описаны в твоём послужном списке, справишься.

«Откуда он всё это знает, и всё предвидит», - подумалось Климу, которому Вадим представлялся двух-, трёх- и даже четырехсторонней личностью, поскольку во всех автомобилях предусмотрел даже некие технические усовершенствования, а именно маленькую коробочку Вадим ставил почти на все машины с небольшим зарядом тротила, на случай заметания следов. Большого взрыва бы не было, но автомобиль сгорел бы дотла, впрочем, далеко не всегда позволяя покинуть погибающий корабль не прошеным гостям. Такое средство гарантированно уничтожало всё, что находилось внутри салона, от следов биологических до документальных, радиус действия инициации — до 100 метров, разлёт осколков отсутствовал, как и сами осколки, но, при желании и необходимости, монтировалось иногда во второй аккумулятор взрывное устройство гораздо большей мощности.

Порой Климу казалось, что Вадим вообще знает всё, даже то, что Клим сам ещё не знал и совсем не собирался делать. Беседы с Вадимом становились уже редкими, а сам он на долгое время, куда — то исчезал, как он говорил в командировки «за бугор», а встречи бывали, неожиданны и продолжительны в любимейшем им кафе со шведским столом. Вадим философствовал на самые разные, казалось, посторонние темы, которые ненавязчиво объясняли действительное положение вещей. Его многоликость и опыт, а, скорее всего осведомленность, предупреждали и наставляли Клима, в том числе и об опасностях предполагаемых событий. А события развивались следующим образом. Зелёные зелеными, а золото впереди планеты всей. И в начале провозглашённой Свободы, которой рекомендовалось брать «сколько хочешь» при новой демократии, а Клим никогда не забывал слова классика диалектического материализма: «Когда говорят о Свободы и Демократии, всегда надо ясно себе представлять, что под этим подразумевается». Так вот появились такие простые всесторонние люди — кооператоры, которым сначала ставили палки в колеса, а затем разрешили свободно, в том числе и магаданское золото мыть, и даже им самостоятельно торговать. И тут появился банк «Русское Золото» с Александром Танцевым, которому все помогали: и государственные органы, и татуированные паханы, и авторитетные тёти и дяди, к ним себя с некоторых пор стала причислять, как понял Клим, и мадам Нина. Значительные средства от этого предприятия образовывали доли

всех указанных очагов свободы и демократии, поскольку Государство, как система, ещё не имела своего Петра Первого или Наполеона.

Банк спонсировал предприятия, тоже принадлежавшие тому же А.Танцеву, по переработке кооперативного, промышленного золота на аффинажных предприятиях от Новосибирска до Москвы и Северной Пальмиры. И если курс золота стоял низко, то предприятия Танцева не брезговали скупкой золотых монет в странах, где курс золота стоял низко как в ближнем зарубежье, а затем переплавляли их и продавали в слитках в других местах, где золото было в цене, и с утра до вечера, в дни плавки, из подвала поднимался чистый звон золотых монет, которые автоматами направляли прямо в тигли.

Неприятность заключалась в том, что добыча, транспортировка, переработка золота во всех его формах, как и обретение золотого запаса, банком «Русское Золото» контролировалось слишком большим числом сиюминутных алчных структур. Справиться с некоторыми из них оказалось вовсе не так сложно, особенно, если это были структуры паханов и братков. 120-килограммовый атлет, чемпион чего-то по какому-то единоборству был убит двумя ударами в голову небольшой пятикилограммовой кувалдочкой, участь остальных была примерно той же, с той разницей, что некоторые падали сами, увидев предметы воздействия и не шутейно настроенных тяжеловесов криминальной политики. «Отработанных» оттаскивали в другую комнату, где их «пеленали» и переносили в следующую — с ними будут решать позже. Среди этого народа были и такие, кто не отказывался получить удовольствие от участия в подобных мероприятиях. Бывший силовой троеборец с высшим, не купленным, советским образованием института МАИ, интеллектуальный, умный, знающий, дерзкий, без страха и упрёка, добивающийся везде своего и идущий первым, показывал пример. Один из них ко всему возглавлял Российскую федерацию силового троеборья и сам бывший главным тренером её сборной. Один из них вообще считал правильным расстрел нескольких человек «бандюшков» в офисе одной конторы. Он вышел из лефортовского изолятора - «центра» по решению суда за отсутствием улик через год, где частенько пивал чай и кофе с его начальником. Но Клима это не касалось, ему

была отведена особая роль – Танцев понизил долю мадам Нины в своём деле по указанию авторитета спорта Мухелишвили.

О «Мусике», как его тогда называли, говорили, как об очень влиятельном человеке в мире криминала, но не как о «воре в законе». Во – первых, он мешал, как человек, прикрывающий Танцева и его заводы по переработке промышленного золотого запаса, а во – вторых, это был человек, примечательный тем, что помогал родственникам тогдашнего главы государства держать в «демократической узде» тогдашние заводы цветной металлургии и, в особенности, алюминия. Но эти вопросы решались в сферах, стоящих гораздо выше интересов мадам Нины, гораздо выше интересов Танцева.

Чтобы обезопасить себя от предстоящих событий по нейтрализации Танцева – Мухелишвили, мадам Нина с семьей приобрела сразу куски земли с домами на одном из островов Канарского архипелага — Санта-Круз де Тенериф, принадлежащего королевству Испания, а затем и в Греции – стране начинания олимпийского дела, греческой и исторической мысли.

По возвращении в Москву Клим ринулся забирать основное и наиболее ценное с одной из снимаемых по указанию Вадима квартир, и перевозить на заранее снятую в плановом порядке неделю назад. Он подумал о другой машине, чтобы создать вокруг себя ещё один дополнительный барьер. Управившись, он уже через полчаса выгружал криминальный и дорогой скарб оружия, обдумывая следующие действия.

Из чердачного окна дома напротив входа в «Краснопресненские бани», куда должны были подъехать машины вместе с Мусиком, Клим хорошо просматривал всю панораму места предстоящих событий, слившись с уже давно пристрелянной им любимицей, финской винтовкой «Аншутц». Ждать долго не пришлось. Мусик уже вышел из машины, являя собой высокого, крепкого мужчину, одетого в длинное бежевое кашемировое пальто до пят, очень заметно и имеющего вид человека, который умрёт только своей смертью.

Если кто-то думает, что через «оптику» видна только часть человека — ошибается, на расстоянии уже больше 100 метров, при кратном увеличении, не важно: галочка, точка, перекрестье, активная марка или что ещё может являться точкой прицела, а может закрывать голову целиком, а то и больше. А ведь человек ещё двига-

ется, и надо успевать учитывать поправки, которых масса, хотя не на таком маленьком расстоянии. Правда, для пули 5,6 мм и резкий порыв ветра на расстоянии 100 метров — уже угроза для точного попадания. И чем легче пуля, тем больше поправки, чем слабее патрон, тем большее число поправок приходится учитывать. Когда стрелок поглощен процессом, он становится, уязвим, все его чувства обострены до предела, но направлены не на свою безопасность, о ней необходимо задумываться раньше, а на цель и оружие.

Дисциплина сказала: бить в сердце — РАЗ! Мужчина пошатнулся, видно было, что его тело сковала резкая тошнота, рука потянулась к груди. Отдачи в плечо из-за слабости патрона не было, привычно оперируя затвором, держа в прицеле уже шею, светлый, мощный квадрат, обрамлённый воротником рубашки — ДВА! Опять попадание. Секунда-две — ТРИ! Голова. Он должен обмякнуть, потеряв контроль. За три выстрела сделал три-четыре шага. Успел присесть у машины, где бесконтрольно упал. Ждать смысла больше не было. Быстро переодевшись, Клим сжёг накладные бороду и усы. С небольшим зонтиком в руках, работающим как обычный, но с 30 сантиметровым стилетом внутри, в позолоченной оправе очков, удобно сидевших на переносице, слегка подтянув кожу к темечку, чуть поднимая брови, так что выражение лица принимало вид наивного чудака, не забывая расслаблять мимические мышцы, Клим без неприятностей, с новым паспортом и новым именем удалялся через пару часов на самолете как турист, направляющийся на отдых в Грецию.

В полете, он с удовольствием вспоминал, что в одной из съёмных им квартир, с сильно потрепанными и пошарпанными стенами, произведён отличный ремонт и сделана окраска приятных тонов стен, соединенных с приличной мебелью, тяжестью штор и гардин. Свою семью он никак не забывал, любил её, беспокоился, оставив им на проживание приличную сумму в зелёных купюрах, которые считал самыми надёжными, кроме швейцарских франков, полагая, что фунты Англии, как падали, так и будут падать всё ниже. Он не доверял евро, - немецкие штучки лишь мельчат экономику европейских стран, приводя, в конце концов, их к гнусной зависимости от Германии с её удивительным способом всегда и везде возвеличивать статус этой страны, а в текущем времени Россия и её новые экономические силы тому только способствуют.

В Афинах во время осмотра достопримечательностей посланцы дамы Нины вручили Климу премиальные и золотые часы Patec в качестве личного подарка от Нины. Они между делом сообщили, что семья приобрела на радостях ещё собственность и Марбелье, и Жироне.

Одним словом, радости дамы Нины не было предела, — так как осуществилась идея Нины иметь личного образцово показательного киллера, проявившего все качества такого в своей удачливости и методе театральной экипировке, что ставило его, по мнению Нины в ряд с криминальными героями таких артистов как Делон и Бельмондо. Особенно первый импонировала Нине, когда появился в Красноярске для поддержки на выборах генерала Лебеда в губернаторы, того генерала, который так хорошо начал в Приднестровском районе Молдавии, блистал на переговорах в Чечне и прекрасно понимал, что Красноярск – это Сибирское Эльдorado платины, золота, пушнины, предприятий среднего машиностроения и при необходимости бесконтрольного выделения Новой Федерации внутри России. Мир праху этого генерала. Он не понимал только одного. Большие замыслы и желания ограничиваются случайностью, например, гибелью генерала во время экспедиционной поездки по краю на вертолете. Какой – то винтик не сработал... и смерть.

Мадам Нина сказала, прочувствовано перед выборами генерала, когда туда прилетел Ален Делон и пышно приветствовал генерала на русском языке.

— Хорошо начал! Посмотрим, как кончит...

И всё же эти события, если вправду они были кем, – то целенаправленно осуществлены, казались более простыми, чем поручения даваемые Климу. Так ему в то время казалось. А сейчас через пару месяцев он возвращался опять, чтобы писать круги вокруг А.Танцева и «Русского золота», что по прежнему не давало покоя мадам Нине. Клим появился уже на новой квартире. Теперь и разговоров не было о его пребывании в загородном доме семьи, который по-прежнему функционировал, но уже по новому распорядку и с новыми жильцами. Поместившись на новой, он счастливо провел пару недель в кругу семьи, жены, сына, повидал стареющего отца на даче, которую незадолго до отъезда в Грецию «состряпал», как он ему сказал, на свои командировочные. Быт – это хорошо.

Началась новая подготовка, которая должна была закончиться тьмой для человека по имени Танцев. В очередной раз он смотрел через оптический прицел винтовки, жёстко закреплённой у потолка и поворачивающейся не более 10 градусов в любую сторону. Дверь главного входа открылась, выбежал человек и через 5 секунд, что-то сказав водителю, убежал. Затем как горох посыпались люди, должно быть охрана, и через минуту показался сам Танцев с трубкой телефона у уха, одновременно что-то, объясняя наполовину склонившемуся перед ним человеку. Клим начал доцеливая сразу выбирать свободный ход спускового крючка, лоя в прицел висок или ухо, но явно не успевал. Вдруг, хлопнув о ладонь крышкой телефона, цель развернулась и, жестикулируя, остановилась. Человек вернулся и внимательно слушал слова Танцева. Клим же снова, уже чётко выцелив, плавно тянул крючок, застыв на секунду из-за заслонившего его вернувшегося подчинённого, но вынужден был поставить «Тигр» на предохранитель, так как через узкую щель в круглом иллюминаторе расходящихся Танцева и того, кто, волею случая, заслонив собой, спас ему жизнь — всего-то несколько секунд!

Секунды... Он вспомнил как незадолго до посадки из Греции в Москве, он уснул, на каких – нибудь минут десять – двадцать и его поразило виденное....

Железный мост, переброшенный над водою, весь залитый огнями, соединял две набережные, до такой степени удаленные одна от другой, что ему показалось, будто он плавает по морям Сатурна и видит перед собою чудесное кольцо, опоясывающее планету. По этому огромному мосту переправлялось более четверти всех богатств мира. Сойдя на берег, он остановился в сорока восьмизэтажном отеле, где его обслуживали автоматы; затем по большой железнодорожной магистрали он отправился в столицу Новой Атлантиды. В поезде были рестораны, игорные залы, стадионы, телеграфное бюро для передачи торговых и финансовых извещений, храмы и типография большой газеты, которую Клим не мог читать, не зная языка Новой Атлантиды. Проходя вдоль больших рек, поезд встречал на своем пути промышленные города, затемнявшие небо дымом своих труб, — города, черные днем, города, красные ночью, полные рокота при свете солнца и полные рокота в ночной

тьме. «Вот народ, слишком занятый промышленностью и торговлей, чтобы вести войны, — думал Клим. — Они следуют миролюбивой политике. Ибо аксиома, принятая всеми экономистами, гласит, что мир с другими государствами и мир внутри государства необходимы для развития торговли и промышленности».

Очнувшись, Клим понял, что виденное им есть только насмешка над обществом и государством. Пока силы государства не управляют государством, имеет место беспредел. Когда государство управляет государством, - имеет место насилие. Когда между государствами мир и благоволение, - это только путь к переделу Мира....

И снова начался отсчет безотрывного слежения через окуляр оптического прицела за промежутком, обозначенным двумя на этот раз занавесками, где появляется фигура Танцева, но теперь уже в собственном доме. Он мелькнул первый раз, а Клим боролся со своим дыханием, чрезмерным в неудобной стоячей позе, почти на цыпочках. Сердце работало мерно, усиленно, ускоряемое остающимся адреналином, упорно поглощаемым всё большим и большим количеством попадающего в кровь кислорода, не хотело уступать даже под воображаемыми потоками воды, и плавно замедляемым дыханием: вдох на «7», «5» — задержка, выдох на «7», снова задержка на «5» счётов, и так до успокоения. Вдруг стало всё безразлично, не важно «вчера», не интересно «сегодня», будто не будет «завтра» — Клим весь «нырнул» в «луну» оптики и застыл то ли рядом, то ли размазавшись взглядом по самому окну. Казалось, что видно чуть колышущуюся занавеску, воздух, расступающийся перед движущимся телом, на улице — минус, но жарко — пустота, а в висках, непонятно откуда взявшаяся фраза: «Если свет, который в тебе-тьма, то какова же тьма?». Много позже он узнал — из Евангелия, она тянулась медленно, плотной жидкостью, постепенно сокращаясь до последнего слова, раз 100, а может, больше. Сознание повторило это слово растянуто, похоже, так говорит человек на смертном одре, борясь за ещё одну минуту пребывания здесь, где привык, жутко боясь того, что «там»... «ТЬ-м-а, ть-м-а, ть-м-а».

— Нет, работа килера не по мне! Слишком хлопотно душе...

СЕКТОР КРУГА V . Государство – озеро
неведомой глубины.

-Гори, гори прежняя жизнь!
-Гори, гори страдание! – кричала Маргарита.
(М.Булгаков. Мастер и Маргарита).

Клим не сразу, но как – то совсем определенно внутренним своим чувством начал осознавать, что вся ситуация с его текущей работой, где судьба человека заканчивается «тьмой», не есть его истинное призвание, но лишь отвлечение от пути ему предначертанного судьбой, поскольку навыки, приобретенные им на новой «работе» представляли опасность для него со всех сторон и в любой момент могли закончиться катастрофой не только для него, но и его семьи, его ближайших и даже дальних родственников. Он понимал, что нужны, какие – то отступные пути от «тьмы» к «свету», полагаясь на волю Божью и Провидение. Он знал, что сумел себя поставить в системе деловых событий семьи Нины так, что о нём мало что известно по существу, когда он стал менять документы, обличие и места проживания, и при том так, что, разумеется, его личная жизнь начала давать трещину именно по причине вечного отсутствия в командировках. Он вспоминал свою молодость, когда ещё только ухаживал за своей будущей женой, и, однажды, она ему призналась, что ненавидит своего отца, который с семьёй почти не бывал в силу непрерывных его командировок. Лишь позднее Клим узнал, что его тесть был нелегалом и редко имел возможность появляться в семье. Уже тогда он с тоской понял, что подобная ситуация, если она повторится с ним в будущем, то приведёт к неприятностям в его семейных отношениях. Именно поэтому он не стеснял себя в отношениях с женщинами, встречавшимися на его новом пути событий. Так в его жизни появились женщины, связанные с «папой» Рушайло. Министр внутренних дел В. Рушайло всегда действовал без стеснения, полагая, что расправа с назойливыми "ребятами" пройдет безболезненно. Затем, однако, министру приходилось отступаться иногда - по всей видимости, из-за соответствующей рекомендации умных промыслителей шахматных ходов сверху, поскольку МУР со своими интеллигентно-интеллектуальными ресурсами, ещё обладал огромной информационной базой.

У Клим хватало уже имеющихся знакомств с училищных времён, да и новая пассия помогала ему в этом. Клим определил свою задачу, которая состояла не в цели стать «сексотом» или наняться очередным «чистильщиком» как у мадам Нины, но, балансируя на полу информации, получить возможность черпать свою, а также иметь некоторую гарантию безопасности и, в определённом смысле, «крышу» — как полезный человек, обладающий иногда информацией, а иногда — связями. А главное, в чём была тогда острая нехватка у всех, — стать передаточным звеном от силовиков к криминалу и наоборот. В его лице можно было получить гарантию неразглашения тайн, потому что он был кот сам по себе, и это было не то что его кредо, но как раз залог минимизации утечки.

Клим знал, что корреспондента газеты «Московский комсомолец» Александра Хинштейна, публиковавшего разоблачительные материалы о чинах МВД во главе с Владимиром Рушайло, милиция пыталась посадить в психушку, или хотя бы отдать под суд за фальсификацию документа на право вождения автомобиля (по делу с истекшим сроком давности). В 1999 году А. Хинштейн принимал самое активное участие в «войне компроматов» на стороне группировки Евгения Примакова – Юрия Лужкова, причем неоднократно критически высказывался о директоре ФСБ (а затем премьер-министре) Владимире Путине. По крайней мере, такое противостояние показало Климу, что «нильский крокодил» и лужковский телеканал ТВЦ вместе с органами ФСБ явились действенной мерой, рекомендовавшей ослабить наступление на органы МВД, а самим органам до поры до времени не лезть в «бутылку» тем более что этот самый Хинштейн развязал тесемку событий личной жизни первого Президента России и тем самым своим перстом прозрачно, но психологически не понимая сути дела, указал, что нет, не было и не будет в стране личности более достойной, чем Владимир Владимирович Путин и его окружение, им рекомендуемое. Сам, не понимая того, Хинштейн сделал гениальное открытие, - он открывал своим золотым пером журналиста общественности Путина как явление Звезды первой величины на небосклоне России, где власть, силовики и ресурсы страны едины. Остальное остается за кадром!

И если стране нужна была крепкая власть, само взвешенная экономика, способная вливаться на паритетных началах в экономику Востока, Европы и Америки, и Африки и при том так, что ресур-

сы страны были бы самокупаемые и прибыльны на всех рынках Мира, то уж во всяком случае, личные устремления Клина, как человека военного, подсказывали ему, что лучше быть с теми, кто за такой путь развития России, чем простое самообогащение паханов и авторитетов. Со своей стороны, он прекрасно понимал, что такой фактор как коррупция с её большими и малыми кровеносными сосудами, пронизывающими всю ткань тела и мозга страны, имевшей место на всём историческом её развитии есть дело крепкой власти и её законов, всегда и везде подвергаемых коррозии. Коррупция, как коррозия власти и экономики во всех её ипостасях, не исчезнет при любых обстоятельствах истории страны, но она может и должна быть сведена к минимуму, иначе неизбежна смена её, а власть предрасполагающая вовсе не хотела развития таких событий. Но они обладали слабостью. Эта слабость Власти была широко известна в истории развития любых цивилизаций, например, со времён Платона и Аристотеля. Это коллективный авторитаризм имущего сословия – олигархия. Олигарх – это представитель, участник коллективного политического (а не только экономического) руководства олигархически устроенного государства. Близкие Ельцину олигархи и спец службисты объяснили президенту, что единственный, кто сможет гарантировать личную неприкосновенность Ельцина и его семьи после ухода Ельцина от власти это бывший руководитель ФСБ. А бывший руководитель ФСБ медленно, но верно и с большим запасом прочности готовился к своим новым функциям, а эти функции состояли, прежде всего, в создании молодой, энергичной группы интеллектуалов, рвущихся к власти под руководством такого своего начальника, которого они могли считать лидером, как Ленина – большевики. Но такой лидер на все случаи жизни текущей истории России столько козырных карт, сколько лиц во власти ФСБ, а он был главой этого учреждения. Вот почему молодежь стала кооперироваться вокруг своего лидера и даже создало недалеко от Балтийского моря «обыкновенный дачный» кооператив, как форму кузницы будущих кадров из экономистов, спортсменов, юристов и прочих «истов», конечно же, получивших необходимую выучку при органах, которые слились позднее в общее название ФСБ.

Если нет и не предполагается быть демократии социализма с устремлением по Ленинскому пути, то есть демократия олигархов, у

которых помимо сохранения и преумножения своих капиталов есть главное желание не уйти «в тишину» раньше времени, - вот почему они ориентировались не на авторитетов или паханов, или разрозненность национальных границ (кадыровщина, шаймиевщина и прочие военные, полувойенные местные организации), а на более привычное их сознанию текущее ведомство – ФСБ. Эти самые олигархи, рано или поздно, представляющие собой банку с тарантулами разных мастей, эти абрамовичи, березовские, чубайсы, ходорковские, даже если они и делали ответственными за свои сбережения, пусть даже семью Ротшильдов, всё равно по русской традиции понимали, что без нквдешников, кгбешников, огпушников, фсбешников в России им не обойтись. Именно эта структура, часто называемая самими фсбешниками «конторой», добилась утверждения президентом Ельциным и российскими олигархами главы ФСБ в качестве кандидатуры преемника Елицина. Вот почему «Озерный кооператив» не год и не два воспитывал и тренировал кадры для обретения собственной структуры, где власть, олигархи и силовики праздновали бы свой бал, что вполне устраивало текущее народонаселение России, где хлеб, зрелища и минимальная социальная защита были бы опорой их существования, а получаемые дивиденды от скромного «житья – бытья», давали бы им жильё, машину, дачу, возможность, иногда, откушивать за границей... И разошлись как в море корабли эти самые олигархи: Роман Абрамович, Борис Березовский, Анатолий Чубайс, Владимир Гусинский, Михаил Ходорковский, Юрий Лужков... И на сцене исторических событий появилась команда кооператива «Озеро», скованная дисциплиной и непотопляемостью в силу выдающегося правила главного начальника, усвоенного им как «Отче наш» – «своих людей не сдавать», быть гибким и прочным как вечная ткань существования микробов. Все участники «кооперативной команды» в период своей жизни между КГБ (или какой-нибудь ленинградской партийно-комсомольско-хозяйственной структурой) и региональными бизнесменами из круга коммерческих фирм были связаны с Комитетом внешних связей (КВС), банком «Россия» и вышли из дачного кооператива «Озеро».

А для населения страны всё это, как и проблема открытых или закрытых выборов, для населения, привыкшего к Верховному Совету СССР с его «одобрямс», а не к шороху американо-европейских

взлягишей демократии, - всё это было по сути своей безразлично. Есть выборы, нет выборов, да и кого выбирают, - главное не в этом, главное в том, чтобы социальные условия существования народа были приемлемы для большей части молодого населения страны. Вот почему «чекисты», «силовики» или «питерцы» оказались востребованными в новой ситуации жизни государства и без альтернативности иного выхода. А это на взгляд каждого жителя страны и Клина в том числе, куда лучше, чем семейное безумие бывшего президента, отягченного запойными и суицидными недугами и той тьмой примазавшейся к семье плутократии, которая возмущала в государстве всех и каждого, кроме паханов и авторитетов. А здесь появлялся человек, который клятвенно не на Библии или Коране заверяет предыдущую администрацию и семью Президента о сохранении за ними того малого, что они успели оторвать у Государства, появляется деятель, который не мешает окраинам строить свою национально – социальную структуру, назначая их лидеров президентами и генералами тамошних национальных единиц. Государству нужны не гении, не вожди, не диктаторы, а разумные, исполнительные и послушные «конторе» хорошисты с маломальским высшим образованием и знанием языков настолько, чтобы глаголать с европейскими и заокеанскими чиновниками на языке выгоды, в том числе выгоды и для России, которую каждый из них считал своей родиной. Зрелища – это спорт, Хлеб – это покупательная способность населения всех видов товаров и приемлемая оплата услуг, Качество Жизни – это всё остальное, чего можно достигнуть собственными усилиями в стране, где есть скрытая спекуляция и малый бизнес. И, наконец, Водка – российский напиток всех времён и народов, населяющих эту часть суши, где проживают Россияне. Спиртное, как средство поддержания «бодрости духа», не скованное законами вырубания виноградной лозы, стояния в очередях за бутылкой, где население звереет от всего, что ему запрещено и готовится к совершению противозаконных актов безразлично, где и в какую эпоху – февральской революции или в эпоху разгула горбачёвско – лигачёвских дуболомов, способных только «не пущать», не понимая грозного оружия – возмущения масс.

На этом фоне - фиговый листок выборов народных депутатов в Думу, прообраз болтологии думских традиций времён расстрелянного Николая Александровича, которого возглашали, почему – то

по-прежнему царём, хотя царь легитимно отрёкся от престола ещё в бытность свою в здравом уме и памяти, что вызвало ликование народа всей страны, с красными бантами толкающихся в своих освободительных демонстрациях. Та самая Дума, напичканная суемыслием при царе горохе, снова потребовалась «новой демократии» России. Делать нечего. «Контора» не против. «Дума, так дума. За муж, так замуж».

Сталинский опыт в этом смысле оказался очень поучительным. Нового Сталина не хотят не только новые бизнесмены, но и старые спец службисты. При «новой Озерной конторе» многочисленные политические партии, входящие в российский «парламент» как Думу, не просто слабы. Они безлики, по большей части это фанфароны – «жирики», призванные составлять оппозицию ещё во времена Горбачёва - Крючкова по свидетельству того же Бовина и задержавшегося в Думе на десятилетия с его указующим перстом. Это странная помесь бывших авторитетов и временщиков, способных под прикрытием любой партии, под прикрытием юридической неприкосновенности лоббировать «чего изволите». И это не случайно. «Контора» не нуждается в сильной политической партии, так как мощная политическая партия неизбежно станет конкурентом за власть и, по определению, может представить для «Конторы» угрозу. И том более фатальную угрозу для «новой Озерной конторы». В рамках «новой Озерной конторы» возможны все виды рокировок. Такая система более стабильна, чем, скажем, «Политбюро» времён Брежнева, а, будучи настроена, на подготовку и переподготовку в рамках кооператива ограниченного числа молодых, проверенных и перепроверенных лиц и, прежде всего, из числа ближайших родственников и их новых «семейных композиций» являет собой долгосрочный способ отливки «нового дворянского менталитета», законного в броню не только семейных связей, но и социального интегрализма Запада в духе Питирима Сорокина. Так создается «воздушная подушка» непотопляемости конторы, если она не будет подвергаться внешней или внутренней коррозии. Но такая система сохраняет свой олигархический режим внутри себя и борется на виду у всего народа с олигархическими режимами иных мастей в рамках тезиса, на котором написано: «Долой коррупцию!».

«Новая Озерная контора» обладает Властью, Силой и Ресурсами. И последними, не на словах, а по существу. И сила её будет

прирастать всей Сибирью. Практически не вкладывая в эти регионы – Сибири и Дальнего Востока никаких средств, кроме самых необходимых и при том таким образом, что построенные дороги и мосты, например, могут в мгновения ока складываться и рушиться после помпезного их открытия, выясняется феномен безденежного извлечения ресурсов, кроме тех самых необходимых, которые позволяют извлекать золото, платину, редкие и цветные металлы, газ, нефть из этих регионов, не совершая социальной революции в этих районах, где безлюдье, отсутствие населения есть доход «новой Озерной конторы», не требующей создания городов и прокормления ртов, но районы эти в силу высоких возможностей экономических ресурсов и глобальных запасов пресной воды планеты, остаются слабо защищёнными в стратегическом отношении от неожиданного нашествия юго-азиатских тигров и драконов. Со времен прокладки Сибирского железнодорожного пути и возникновения на костях рабского труда заключенных нескольких городов по Амуру – батюшке во времена социалистической эпохи СССР, край это необустроен и есть лишь кладовая извлекаемых ресурсов.

Сложнее с молодежью. Ее трудно собрать в группы, трудно контролировать и уж совсем тяжело инфильтрировать, так как сотрудники, агенты и осведомители «конторы» это, как правило, совершеннолетние взрослые люди. Здесь, конечно же, помогает и старый советский опыт, и новая изобретательность. «Новая Озерная контора» успешно возвращает с самого раннего этапа различные молодежные организации. Те из них, которые набирают силу, как движение «Наши», берутся под полный контроль и подключаются к аппарату усиления власти. Подконтрольная организация, конечно же, конкурентом на власть стать, не способна.

Сегодня очевидно, что «Новая Озерная контора» качественно трансформировать фигуру Президента России, но это качественное изменение есть чистой воды рокировка в рамках самой «новой Озерной конторы», которая будет себя само размножать как вечно живущая бактерия. Тем самым такая система есть не просто новая система, а вечно устойчивая система, как система ГОСВЛАСТИ.

Увы, увы! Клим смог отследить это внутри своего сознания лишь после того, как оказался в одиночном заключении, после того, как личность его уже была признана правоохранительными органами мифической. Все схваченные по делу или без дела братки, ав-

торитеты и даже силовики знали о его громких похождениях, но толком его никто никогда и нигде не видел. Его нельзя было обнаружить и по документам, поскольку они были или кем – то уничтожены, или вовремя сожжены, или просто оказывались «липой», состряпанной на «лицо», которое не существовало в действительности. Клим действовал так осторожно и бдительно, что если бы не фатальный случай с близкой ему женщиной, неведомыми путями узнавшей о существовании у него любимой жены и сына, с которыми он не собирался расставаться, не поставила ему ультиматум: «или они, или она!». И когда её требование не было исполнено, она в его отсутствие застрелилась из его оружия с пулей 5.6мм. В результате по косвенным уликам он был вычислен и арестован на кладбище у могилы своего отца. Когда скрывать было нечего, он даже протокол своего допроса подписал своей подлинной фамилией, которую долго и тяжело вспоминал, так много было у него вольных и невольных псевдонимов. Ему казалось странным, что, хотя о нём и делах его всё было выяснено и не мифическая, а реальная личность его и его «похождений» были установлены, - ему не предъявили никаких обвинений, а нервная система его была настолько прочной и неколебимой, что в своей одиночной камере он ел, спал, занимался физическими тренировками, насколько позволяли обстоятельства, читал справочную литературу, например, тома Большой Советской Энциклопедии, начиная с буквы «А». Ему не снились плохие сны. Его не посещали жена и сын. А много позднее он узнал, что жена посчитала необходимым развестись с ним, вышла замуж за своего приятеля со школьной скамьи, который и усыновил его сына. Всё это ей позволила сделать текущая власть, поскольку заранее не знала, а точнее не имела указаний, что делать с этим «килером», а может быть «чистильщиком» от их «конторы». Обстоятельства событий стали меняться быстрее, когда в чтении БСЭ он дошёл до буквы «Г». Его вызвали на беседу. Он полагал с очередным следователем. Но перед собой он увидел Вадима.

— Привет. Мы опять начинаем работать! – бодро заявил он.

СЕКТОР КРУГА VI. Ἐὐὸὶ δὲὺ ἀάϕ εἶ ἰ ὀà.

Вы, значит, не поняли, что это были ангелы.
“Liber terribilis”

— Удивительнее удивительного это то, что ты появился и где.
– ответил Клим. — Хотя и удивляться тут нечему, если всё контролируется, всё под «колпаком». Слушаю тебя внимательно. Какие ко мне будут вопросы?

— А вопросов никаких не будет. Но пояснения с мой стороны, это, завсегда пожалуйста, – сказал Вадим, похохатывая и с удовольствием поглядывая на затуманившееся лицо Клим. — Всё дело в том, что если нет системы самоорганизующейся, само оценивающей себя, своё время и результаты своей работы, то можно сказать, что такая система само истребляется, рано или поздно, это ведёт к деградации власти и вождей, а в старое историческое время, можно было сказать, к деградации государственных мужей. Если государство есть проститутка вождей власти, то не вождь виноват, а весь народ своими бубнами и одобрениями, подыгрывающими вождям. И вся история России, читай Татищева, Карамзина, Соловьёва, Ключевского, только этим и занималась. Откуда и пошло: «История ничему не учит». Учить она не учит, но объясняет. Что к чему. Пример из мифов, а мифы внутри наших «архетипов» по Юнгу.

История силенского дракона послужила нам драгоценным примером. Надобно знать тебе, о, не совсем разумный Клим, что на берегу обширного озера, неподалеку от города Силены, жил страшный дракон, который время от времени приближался к городским стенам и отравлял своим дыханием воздух предместий. И чтобы дракон не пожрал всех жителей Силены, они каждое утро отдавали ему одного на съедение. Кого назначить в жертву, метали жребий. И вот, в конце концов, жребий пал на царскую дочь. Обрати внимание. Жертва лежит в основе счастья целого народа. И голод. А голод ты испытал и понял, - нужно, кому – то служить. И пошёл служить за толику малую даме Нине. Пусть земля ей будет пухом.

А святой Георгий, который был военным среди военных, приехав в город Силену, узнал, что царскую дочь только что отвели к дракону. Он тотчас же снова вскочил на коня и, вооружившись копьем, помчался вослед дракону, которого застиг в то мгнове-

ние, когда чудовище уже готово было сожрать царственную деву. Когда же святой Георгий поверг дракона на землю, царская дочь обвязала шею зверя своим поясом, и он последовал за нею, словно собака на поводке.

— Постой, постой слова славословить. А что с дамой Ниной?

— А что? Как и положено! Погибла в автомобильной катастрофе. Дочь и муж наследовали всё, что в Греции, Испании и, чёрт знает, где ещё, – бодро заявил он. — А если ты спросишь меня, что с тем «двором Нины», где мы осваивали с тобой подготовительные курсы, - отвечу. Всё сгорело. Очистительный огонь.

— Как сгорело? – Клим даже разинул рот.

— А очень просто, «по щучьему велению» и «озёрному хотению». Дракон на привязи с собачьим, почитай, ошейником. Но «Озеро», откуда вышел дракон – то, осталось. Приезжали тушить. А горело всё сильнее. Только потом догадались, что тушить надо не водой, а струями песка. Кто – то, диск из металлического натрия в сортире оставил. Капелька по капельке и начался сначала взрыв, а уже потом все пылало и плавилось. Дотла сгорело абсолютно всё, потушить не успели. Но если пожелаешь, то детальные подробности потом.

— Как может всё сгореть? - Клим задохнулся от удивления.

— Может. Технический прогресс всё может. И бумажки не останутся. Это в эзотерике рукописи не горят. Спаленную бумагу в бумагу не превратить. Всё в нации, друг мой, в нации. Казалось бы, все знали о такой технической возможности. Но не додумывались. Это как ласты для плавания. Все видят, как плавают рыба. А надеть ласты на человеческие ноги для ускорения движения тела человека в воде, а тем более наладить их массовое производство – результат недавних свершений.

Любая нация, которая не опирается на технический прогресс для того, чтобы увеличивать свое богатство, неизбежно утратит свои позиции, как только возрастет покупательная способность населения. Капитал будет перетекать на постоянной основе туда, где есть полезные идеи, направленные на решение наиболее неотложных глобальных проблем. Туда, где идеи будут оплачены и разработаны с минимальными затруднениями, а затем внедрены частными компаниями. Чем больше эти идеи служат целям достижения

максимальной эффективности взаимодействия между странами, тем больше шансов, что они наилучшим образом обеспечат тенденции глобального роста. Всё это учла наша не столько «контора», сколько «Новая Озерная контора» инновационного подхода к жизни Российского общества. Озеро как озеро, из которого вышел Дракон.

Вот почему у нас теперь «озёрная демократия», - демократия, подчиняющаяся не какой – то там «олигархии», а «Кооперативу Озёрной инновации», создающий общественное мнение при помощи газет, он держит в своих руках депутатов, сам распоряжается финансами страны и направляет её внешнюю политику и при том так, что министры – это инноваторы «Кооператива», подконтрольные только президенту...

Условие выживания «Кооператива», таким образом, — чистка старой «элиты», привод к власти новых людей, индикативное планирование, новые пятилетки. А также индустриализация и культурная революция, укрепление обороны и научно-техническая революция. Что касается Евросоюза, то он неизбежно войдет в тяжелейший кризис государственных задолженностей. Греция — начало. Продолжение — Португалия, Испания, Италия, Англия. Руководящие органы ЕС и высшие политики евростран ни черта не могут сделать. Их решения слабы и откровенно запаздывают. Создать единую европейскую экономику с одним евробюджетом и общими долговыми бумагами ЕС не удастся.

Поэтому дефолты по государственным долгам стран Европы неизбежны. Долговое бремя растет слишком быстро. Государства к тому же перевели частные долги больших бизнес структур в разряд государственных в ходе отчаянных антикризисных попыток 2008–2009 гг. А это лишь усугубило тяжесть положения. Вот почему Европу ждет острейший — вплоть до возможного распада — кризис Евросоюза в 2012–2013 гг. Сейчас примерно процентов десять нашего населения — живут как олигархи, только без охраны и яхт, которые им не нужны. Они всегда могут купить билет и съездить на Багамы.

— Вадим!. Ты всё здорово расписываешь Воображение как увлечение! – бодро заявил Клим. – Я здесь сижу в четырёх стенах. Пробиваюсь чтением БСЭ и тренирую тело. Какое отношение это имеет ко мне, узнику, которому светит или много лет, или пожизненное. А ты меня кормишь тёплыми беседами о «Озерном Коопе-

ративе инноваций», члены которого свободны как горные орлы и в пределах отпущенной им свободы с удовольствием трещат крыльями.

— Жди, друг мой, жди. И тебе воздастся – с увлечением продолжил Вадим, не теряя нити своей мысли. И еще десять процентов — это середняки. Они живут так же, как богатые, но только труба пониже и дым пожиже. Эти 20 процентов, включая олигархов, олицетворяют собой Россию. На них работает реклама, они составляют основную массу туристов, правда, туда пробираются и люди из низших классов. Остальные 80 процентов делятся на две части. Первая часть — подавляющее большинство — бедняки. Бедняк — это человек, получающий минимальную зарплату, у него плохая квартира или изба, где на каждую комнату приходится минимум два человека, обязательно есть шесть соток, на которых он выращивает основные продукты питания, делает на зиму домашние заготовки. В его рационе преобладают картошка и каша. Фрукты он покупает детям, а рыбу и мясо ест по праздникам. Вторая часть, менее многочисленная, — нищие. Их доход ниже прожиточного минимума, они не в состоянии оплачивать коммунальные услуги, содержать жилище. Теперь. Что такое шведский богатый? Человек, у которого, скажем, не один дом, а два-три дома или дворец. Не одна-две машины, а гараж и яхта, может быть, даже две-три яхты. У него свой закрытый круг общения. Шведский бедняк имеет квартиру со всеми удобствами, хорошую машину, он сыт, прилично одет.

А остальные 90 процентов?

Остальные — средний класс, где самый богатый только в три раза богаче самого бедного. Эта часть населения Швеции живет исключительно однообразно. Встают они очень рано, где-то в пять или шесть часов утра, едут на службу, с 12 до 2 — ланч. Досуг, как правило, проводят в кафе, дома у телевизора или DVD. Читают очень мало, зато любят путешествовать. В конце недели обязательно выезжают куда-нибудь за город, а летом — на море...

Теперь я подхожу к самому главному для тебя и тебе подобных. При всех мозговитых ребятах нашей страны, при всём её творческом потенциале, сколько лет потребуется нам для достижения того уровня жизни, которым живёт Швеция и даже Европа. Сто, двести лет или больше. Чем будем пробиваться? Ресурсами, пока живы. Инновации технического уровня – это хорошо. Всюду к месту, или

не к месту мы говорим теперь: «нанотехнология», забывая, что за этим кроется только уменьшение размеров сущего, которое в научном плане стало понятно ещё Грэму в 1865г., когда он ввел понятие коллоидных растворов, или клееподобных веществ, имеющих малые размеры. А это и есть нанотехнология. Тем самым «нанотехнология» – новое слово, а сущность технологии старая. Измельчаем вещество до наноразмеров, например, титан или его соединения, запускаем в стратосферу и закрываем этой «пылью» Землю от ультрафиолетового излучения. Искусственная экологическая катастрофа! И прочая, и прочая. Решение задачи для нашей страны возможно с точностью до наоборот. Мы для них – ресурсы всего, в том числе и запасов пресной воды. А мы будем создавать искусственные потопаы в Европе или Индии, или землетрясения в Японии. Израильтяне уже повторили наш опыт по созданию искусственного землетрясения в своей пустыне. Мы будем выдавать им наши ресурсы по каплям. С помощью олигархических войн «Кооператив» обогатился и самоупорядочился. Неминуемы по аналогии и дальнейшие войны. Не создание концентрационных лагерей, а превращение и нашей страны, и Европы, и Америки, где в разных ипостасях трудятся такие профессионалы – чистильщики как ты, Клим, – вот путь созидания, как путь инновационной чистки всей цивилизации. В мире накоплен безумный капитал богатств. Их перераспределение – это не рабский наемный труд, это не создание благополучия на костях или извлечения из подневольных рабов всего, что с них можно взять – вплоть до костей, волос, и праха на удобрение. Нет Богатства созданы. Их нужно перераспределить путем экономного распределения богатств, накопленных другими. Не грабь награбленное, но проси: «Подайте, Христа ради, копеечку на питание остальным, у кого с копеечкой туговата». Не надо революций. Нужно соскребание излишней жирной позолоты и с олигархов, и с семей авторитетов, и с людей просто богатых не путём их оскопления до нищеты и не путём налогов, которых они все боятся, а путём созидания «киилеров – приставов» как комитета накопления всеобщего богатства Мира. Это наш внутренний Закон.

По сути дела, работа, таких как ты, становится новой формой перераспределения созданных продуктов труда, где человек осознает всю свою роскошь, обожествляет себя со своим капиталом, но забывает, что человек смертен и «тьма» его удел. Прежде, чем уйти

во «тьму» человек должен сотворить благо, иметь милосердие, - снять с себя излишнюю позолоту накопленного и добытого праведным ли или неправедным путём. Если он в силу своей слабости, греховности – любостяжания не понимает этого, - помогите ему избавиться от толстой накипи золота, помогите ему войти «во тьму» новым милосердием. А потому делись, не думая о налогах. Это и есть «инновация новой демократии» в смысле интервенции части средств в ресурс накопления, из которого и будут черпаться средства для поддержания равновесия между социальными слоями в такой стране как наша. Мочите преступников, отмывайте позолоту с толстозолотых, указывайте им путь к состраданию, пока есть время богатеющим из богатых наслаждаться жизнью нашей планеты, не оставляя в бедности их потомков. В этом смысле Россия – спасительница Запада и Америки с их захребетническим авторитаризмом. Это способ вливания России в Западный менталитет благополучия и сохранения их цивилизации. Это путь к ЕДИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МИРА. И всё на основе «Озёрного кооператива инноваций»!

— Ой, как красиво всё изложил по полочкам, не могу не согласиться с такими логоспасительными доводами как патриот России! – бодро с улыбкой ослепленного такой глубокой хитростью Вадима басом пропел Клим и его круглые карие глаза смотрели на Вадима не то с уважением, не то со стеклянной прозрачностью скепсиса.

— А раз так, то уже завтра получишь и документы, и командировочные, и инструкции! – закончил Вадим кратко. - Сам убедись, что «Кооператив» в бедности тебя не оставит. Понимаю, что вначале тебе многое из будущих событий может показаться странным. Всегда помни даму Нину, мир её праху, семья её мало что потеряла, скорее, приобрела – накопления, и дома всё у них осталось. Муж преподаёт успешно в местных университетах, летает из одного в другой, хотя и деньги ему не нужны. Дочь в прекрасных пансионах обучается, где и составит себе приличную партию с богатым молодым человеком. Но дама Нина не хотела снять с себя излишнюю позолоту, хотя я ей говорил и предупреждал её. И вот ушла во «тьму». Люди, себя обогатившие, пусть будут богатыми. И пусть платят налоги одинаково со всеми нашими российскими гражданами, но лишнюю позолоту с себя снимают. Вот в чём дело.

Так Клим влился в наднациональную организацию СМЕРНО («смерть непокорным олигархам»). И началось. Уже во Франции.

К трем часам ночи запах табачного дыма, пота и запаха крепких мужских и женских одеколонов и духов становился резким и угнетающе действовал на его нервную систему. Напряжение игроков было на пике — алчности, страха и сосредоточенности — достигло того предела, когда весь мир не существует, а существуют только эти фишки и жетоны — деньги, деньги, деньги.

Клим отошел от рулетки и ненадолго остановился у медного ограждения, окружавшего большой стол для карт. Борис продолжал играть и, по-видимому, выигрывал. Перед ним громоздилась гора сотысячных жетонов. А рядом под левой рукой — небольшая стопочка желтых фишек по полмиллиона евро каждая.

Клим двинулся к кассам. Кассы отделяли от зала высокие, до подбородка, перегородки. В этих загонах сидели на крутящихся табуретах и распихивали по полочкам жетоны и банкноты кассиры, типичные банковские служащие. Клим продолжал размышлять о возможности ограбления, получая из рук кассира стопку банкнот в сто тысяч, затем пачки купюр по тысячи евро.

На обычном собрании дирекцию казино информировали:

«Месье Борис сделал два миллиона. Играл, как обычно. Мисс Собчаки за час собрала миллион, затем спасовала. Она целый час держала три банка месье Бориса, но бросила карты. Играла спокойно. Месье герцог Мальборо сыграл миллион двести на рулетке. Играл по максимуму на первой и последней дюжинах. Ему везло. Русский господин Клим вновь в выигрыше: ровно три миллиона за два дня. Играл мартингал на красном за пятым столом. Дюкло, он вел партию, может сообщить детали, господин Клим настойчив, умеет рисковать. Игра у него идет, да и нервы, похоже, что твои жгуты из нейлона. За вечер железка выиграла столько - то, баккара — столько-то, рулетка дала столько-то, на шарах, где очередной спад публики, соотношение один к одному»..

При выходе он раскланялся на прощание с женщиной во фраке, его работа состояла в том, чтобы по первому сигналу тревоги мгновенно блокировать все двери, для чего достаточно нажать ногой кнопку в полу.

Он глубоко вдохнул чистый ночной воздух и взял себя в руки. Любопытно было бы знать, обыскали ли его комнату, пока его не было.

Убедившись, что комнату в его отсутствие не обыскивали. Клим разделся, принял холодный душ, и, прихватив толстую пачку банкнот, — резерв и сегодняшний выигрыш, — расположился за секретером, чтобы вписать несколько новых цифр в шифр — блокнот сотового телефона. За два дня игры он прибавил более чем порядочно. Десять миллионов евро лежало у него на счёте, еще десять он запросил. Вместе с последней суммой, отосланной в местный филиал «Креди Лион», его оперативный фонд в евро и долларах был вполне значительным.

Глядя на темнеющее за окном море, сунул пачку купюр (как он не любил держать деньги на картиссах) под валик удобной одноместной кровати, выключил свет и удобно растянулся под сильно накрахмаленными, как любят французы, простынями. Он не о чём больше не думал, а просто перешёл в состояние сна.

Двумя неделями раньше Клим получил информацию, в которой его извещали, что Борис наверняка проиграет свой процесс в Лондоне, против бывшего своего друга, тоже олигарха, но исправно отцеживающего часть своего капитала на счета «Озерного Кооператива инноваций», а Борис, «прикрываясь нищетой олигарха», а по сути дела сливал порциями свой капитал в дружественную России страну — Израиль, где часто и совсем безмятежно отдыхал со своими близкими и родными, полагая, вслед за олигархом Смоленским и братьями Черными, что бережёного Бог бережёт в Израиле, хотя это накладно с экономической точки зрения, но всё же можно на финансовых качелях с прибылью суетиться между Тель-Авивом и Иоганнесбургом. Поскольку Борису не в одной из стран не давали легальной возможности инвестировать капитал в предприятия стран Евросоюза, он предпочитал, как сам заявлял, положиться на самый доходный способ увеличения капитала — рулетку, и Делал это с захватывающей яростью и успехом.

Î ðääë || ÑÌ ÅÐØÍ Î , eae îî åðàðeáí úe î ðääë, aeëp÷àÿ eëeåeääoëp í áî î ñeóóí úo î eëääððî å, î î eääåe, ÷oî Êëèì áúî î eí èð î î ñoåeáí í óp î åðåå í eì çååå÷ó. Åî ð î î ÷åî ó Êëèì áúe ðåe î çååí ÷áí ñî ñoî ÿí eåì ñåî ååí ñ÷åå. Í óæí î áúeí í à ðî eueí î áúåðåòü, í î î áúåðåòü í à ÷eñoî .

Óí ááà è ì ðí èáðúø, è ì íðáðè á Èí ðí èááñéí ñóáá Èí í áí í á — áóáóò í ðááðí ì í áí í ñéøí í í ó í èèááðóó, í á æáèáðúáí ó áí áñòè áéèáá á í í áúá ðí ññééñéèá èí í í ááòèè. Èáðà øèà ááç í áí æèááí í í ñòáé, í í ñ ÷òú çàì áðí úì í æèáéáí èáì çà ñòí èí ì .

Á æáéáçéá è á ááéèáðà òðáðüý ì áððèý ì í áí áí á çáóéí áí ì ó ááðüáðó. Óáá÷à ì í æáò í ðááðí óðüñý í ò ááñ á ì áðáúò ááóð, á òðáðüáé — ýòí óæá èàðàñòðí òá. Ááðí ýòí í , ì í ýòí ì ó ááí èí ì áð è èáðí èè ì ðááí ì ÷èðáèè í á ðèñéí ááòú, òí òý í à ááí èá çà ááà ÷áñà èáðú óæá í í áúááéí á í áúáé ñéí æí í ñèè ááñýòú ì èèèè í í á.

Áí ðèñ í ðááúýáèè ááéáðà è ÷áðááðéó. È áçýè áúá í áí ó èáðóó. Òðí èéà.

— Sept a la banque [Ñàì ü í à ááí èá (òð.)], — ñéáçàè èðóí úá. — Et cinq [È í ýòú (òð.)], — áí áááèè í í , ì áðáááðí óá èáðú Èèè à, ì í áí ááéí óé è ñááá ì á÷éó ááí èí í ò, ì ðñ÷èðáé ÷áðúðá ì èèèè í í à è ááðí óé í ñòáéúí í á Èèè ó.

— Un banco de huit millions. [Í à ááí èá áí ñàì ü ì èèèè í í á (òð.)]

— Suivi [Ááðó (òð.)], — í ðááðèè Èèè .

Í í áí í áú í ðí èáðáé: Áí ðèñ ñááè ñááá áááýòú í ÷éí á. Çà ááá ì áððèè Èèè èèøèñý áááí ááòáðè ì èèèè í í á. Ó í ááí áúá í ñòáááéí ñü øáñòí ááòáðú, í í ýòí áúéí ðí áí í ñòí èüéí , ñéí èüéí í áúýáèè èðóí úá í à ñéááóðúáí ááí èá.

За спиной Клима, у загородки, послышалось легкое шуршание. Он обернулся. Молодой человек с честным лицом улыбался ему.

— Карту, — сказал Клим по-прежнему спокойным голосом.

Борис раскрыл свои карты. У него были дама и черная пятарка. Он посмотрел на Клима и вытянул из сабо толстым указательным пальцем еще одну карту. За столом стояла полная тишина. Шансы были в пользу Клима, и теперь Борис смотрел ему в глаза. Чуть приподняв карту, он бросил ее на всеобщее обозрение. Четверка, лучшее, что могло быть, и девять в сумме. Он выиграл. Клим проиграл почти все, кроме 32 – двух миллионов чеком «Креди Лионэ».

Крупье закончил высчитывать часть, причитающуюся казино, поменял проигранные Климом деньги на жетоны, высыпал их горкой в центре стола.

Тридцать два миллиона. Может быть, подумал Клим, Борису нужна всего одна игра, всего несколько миллионов и он, получив все, что хотел, уйдет и укрепит свое положение.

Пока крупье акцептировал чек, именно в этот момент Клим почувствовал, как что-то твердое уперлось ему в самый низ спины, и вежливый голос с чистым русским произношением тихо, но властно сказал ему на ухо:

— Эта штука стреляет, почтеннейший. Абсолютно бесшумно. Она может снести вам половину позвоночника, и никто не услышит. Вы как будто упадете в обморок. Тем временем меня здесь уже не будет. Снимите ставку, считаю до десяти. Позовете на помощь — стреляю.

Клим принял решение. Ничего другого ему не оставалось. Он осторожно подвинул руку к краю стола, уперся в него, вжавшись в спинку кресла. Внезапно Клим изо всех сил опрокинулся назад. Кресло упало с такой быстротой, парень не успел нажать на курок, мгновенно ретировался. А Клим поднялся, держась за загородку. Вид у него был растерянный и смущенный.

— Минутная слабость, — сказал он. — Ничего страшного. Нервы, духота...

За столом оживленно комментировали происшествие. С обеих сторон соседи Клина наклонились к нему и сочувственно заговорили о жаре, о позднем часе, о табачном дыме, о духоте.

Было два часа ночи, но в казино было многолюдно. Кроме множества людей, собравшихся вокруг большого стола, продолжалась игра за тремя карточными и тремя рулеточными столами. Все за столом подались вперед. Прекрасная карта: пятерка.

— *Huit a la banque* [Восемь в банке (фр.)], — объявил крупье.

Клим сидел неподвижно, а Борис не сдержался и хищно улыбнулся. Он должен был выиграть.

С извиняющимся видом крупье через стол потянулся лопаточкой к картам Клина. Никто не сомневался, что это был проигрыш. Две дамы легли на сукно.

— *Etienneuf*. [И девять (фр.)]

Секунду вокруг стола было слышно лишь громкое дыхание зрителей. И вдруг все разом заговорили.

Крупье пододвинул к Климу огромную кучу жетонов. Вдруг Борис резким движением выхватил из внутреннего кармана смокинга пачку банкнот. Крупье быстро пересчитал их.

— *Васо* [Принято (фр.)], — произнес он, обращаясь к Борису.

И новые две карты скользнули к Климу. На этот раз крупье провел их лопаткой так, что они легли в зеленую «гавань» между ладонями Клина.

Клим приподнял их правой рукой и, едва заглянув в них, бросил открытыми на центр стола.

— Le neuf, — сказал крупье.

Борис смотрел на своих двух черных королей.

— Et baccara. — Крупье передвинул к Климу столбик жетонов.

Борис, не отрываясь, смотрел, как они перемещались туда, где рядом с левой рукой Клима лежали остальные миллионы, затем медленно встал и молча двинулся к выходу. Он снял с крючка цепочку и, не закрыв за собой проход, пошел сквозь расступившуюся толпу. Зрители смотрели на него с любопытством и испугом, как будто от него веяло смертью. Клим потерял его из виду. Пора было уходить. Клим снял с одного из столбиков стотысячный жетон и отодвинул его в сторону шеф-де-парти. Он холодно прервал его обильные расшаркивания и попросил крупье отнести свой выигрыш в кассу. Другие игроки тоже встали. Без банкмета игра продолжаться не могла. К тому же была уже половина третьего. Бонд обменялся парой вежливых фраз со своими соседями по столу и вышел. Вечером следующего дня ему позвонил Вадим.

— Ты вчера даже не стрелял, по-моему, впервые в жизни выполнил задание иначе, без применения оружия. Выполнил его на «отлично». Премии и звания у тебя в процессе роста, - чувствовалось, что Вадим улыбается. — Кстати, Борис приказал кланяться. Он вскрыл себе вены в ванной отеля. А сейчас загляни в соцсеть России. Любопытные фото на твиттере. Борис открыл картинку в интернете. На Красной площади у лобного места, прикованные наручниками люди в чёрных мешках с голыми задницами, исполосованными плетью, и надпись на плакате: «администратор района, начальник ЖЭКа, полицейский— ненадле-жащее исполнение служебных обязанностей и долга».

Вздыхнул и подумал: «Россия непредсказуемая страна».